
Глава 1

Я долго колебался, прежде чем решился написать эти воспоминания. Со времени тех событий, о которых мне хочется рассказать, прошло уже несколько лет. Но только теперь, вспоминая все произошедшее с нами, я начинаю понимать, что рано или поздно нечто подобное должно было случиться. Никто не знает завтрашнего дня, никто не может заранее просчитать все, что с ним будет. Иногда я вспоминаю слова Ницше, который считал, что все разумные существа оставляют после себя какие-то следы. Не знаю, какие следы оставили мы, но не очень верю, что через тысячу или две тысячи лет кто-то вспомнит меня и моих близких. А через десять тысяч лет, возможно, растворится в толще веков не только наша семья, но и все наше время.

Мне всегда бывает жаль писателей, поэтов, художников, композиторов, скульпторов — всех,

кто пытается остановить время и силой своего таланта заставить потомков спустя тысячелетия вспоминать об их величии. На самом деле это тщетные попытки. Через год после смерти человека о нем чаще всего помнят только близкие люди. Сотни лет помнят гениев, но через тысячу и их начинают забывать. Через десять тысяч лет наступает полное забвение. Вы можете назвать каких-нибудь скульпторов Древнего царства Египта или нововавилонских художников времен Навуходоносора? Конечно, нет. Среди самых древних мы помним Гомера и Аристофана, Платона и Аристотеля, да и то только потому, что после тысячелетнего забвения их заново открыли арабские ученые.

Возможно, в далеком будущем нет места ни одному из ныне живущих. А может быть, у человечества вообще нет будущего, ибо оно обречено уничтожить себя новой неизвестной прежде болезнью или играми с различными генными мутациями? Или сумеет себя взорвать, истребить каким-то другим способом? Ведь лучше мы не становимся, это я теперь точно знаю. Хотя в глубине души у меня теплится надежда, что мои заметки помогут людям начала двадцать первого века понять, какими мы были, откуда ушли и к чему пришли.

Хочу заранее предупредить, что не собираюсь публиковать эту рукопись. Моя слишком откровенная и вызывающая правда многим может не понравиться. Одни сочтут меня безумцем, другие — негодяем, кто-то, возможно, со мною согласится, а кто-то, напротив, будет всячески опровергать любые мои суждения. Но мне уже все равно. Я решил рассказать все, как оно было, а уж вы сами делаете выводы. Я прекрасно понимаю, что моя рукопись вызовет жаростные споры и взорвет весь наш прежний мир.

Меня зовут Ильгар Султанов. Я окончил Московский государственный институт международных отношений в девяносто пятом году. Из чего вы легко можете просчитать, что я родился в семьдесят третьем году. Через три года после получения высшего образования я женился, а еще через год у меня родился сын Ахмад. Все это время я работал в системе Министерства иностранных дел нашего государства. В общем, все как у людей. Когда сыну исполнилось два года, меня послали на стажировку в Германию, а потом я получил назначение на работу в Швейцарию, став атташе по культуре нашего посольства.

Конечно, я отправился на службу вместе с

моей молодой женой и сыном, но Новый год нам предстояло встретить в Англии, вместе с моими родителями. Пожалуй, это самое главное, с чего мне и следовало начать рассказ. В тот момент мой отец был послом нашей страны в Великобритании, и, соответственно, это он решил, что Новый год мы должны встретить все вместе. Только не думайте, что я попал на дипломатическую работу благодаря моему отцу. В институт я, конечно, поступал не без его влияния: он был дипломатом еще до того, как распался Советский Союз, и работал советником советского посольства в Пакистане и на Цейлоне. Поэтому я и выбрал для себя такой престижный вуз. Это был практически последний советский набор. Поступив, я тут же встал в институте на комсомольский учет, хотя мне всегда не нравились все эти «общественные нагрузки» и вообще я считал прежнюю систему абсолютно идиотской. В общем, я стал студентом в девяностом году, а уже в девяносто первом СССР перестал существовать, и я буквально в одночасье превратился в иностранца.

Меня, правда, доучили и даже выдали мне диплом о высшем образовании. В начале девяностых мы еще могли спокойно передвигаться по Москве, дружить с местными девочками и

не иметь городской регистрации. Тем более что у меня была квартира в Москве, и я был прописан по московскому адресу. Тогда нас по привычке считали своими. Но постепенно все менялось. Сначала резко «ушли» прибалты, которые ввели визы. Потом становилось все хуже и хуже, а недавно, приехав в Москву, я с ужасом узнал, что необходимо регистрироваться, что в метро одному лучше не заходить и вообще вести себя следует очень осторожно. Мне еще повезло, что дипломатам разрешают ездить без регистрации, а машину мне дал мой дядя, брат моей матери, работающий в Москве. В начале девяностых главными врагами столичных жителей были всякие отморозки. Создавалось такое впечатление, будто из колоний и тюрем одновременно выпустили всех бандитов. Повсюду в ресторанах сидели «качки» с бритыми затылками и в малиновых пиджаках. Тогда выстрелы раздавались на каждом углу. А в начале нового века самыми главными врагами москвичей стали «черные». Только это не негры, если вы так подумали. Негры сами по себе, их, конечно, тоже не любят. Но еще есть китайцы, вьетнамцы, корейцы. Только самыми сильными раздражителями стали кавказцы и среднеазиаты. Почему так получилось — не понимаю. Де-

ло даже не в Чечне, а в отношении простых людей к приезжим. Я еще могу согласиться, что выходцы из Средней Азии отличаются разрезом глаз. Но кавказцы? Они же белая раса, почему их называют «черномазыми»? Или дело не только в чеченцах? В Москву хлынули сотни тысяч азербайджанцев, армян, грузин со своим укладом жизни, со своими привычками и менталитетом. Все это сильно раздражало, плюс затянувшаяся война в Чечне, плюс бомбы смертниц, которые начали взрываться в Москве. В общем, сплелся адский клубок из противоречий, которые настраивали всех против всех.

Теперь насчет дипломатической работы. Все, разумеется, знали, что мой отец — посол нашей страны в Великобритании, но меня взяли на работу в МИД и послали в Швейцарию не поэтому. Как раз наоборот, из-за отца меня не хотели брать в наш МИД и не хотели посылать в Швейцарию, полагая, что получится нездоровая семейственность. Я-то наивно думал, что лицемерие советской поры уже кончилось, но ничего подобного. Против лома нет приема. Мой тесть, отец моей молодой супруги — Саитджан Мухаммедалиев, был не только одним из самых известных людей в нашей стране, но и вице-премьером по строительству, другом са-

мого президента. И все об этом, конечно, тоже знали. На нашу свадьбу приезжал сам президент, который, как вы понимаете, ездил далеко не на все свадьбы. И вообще, чаще всего не ездил. Нужно хоть немного пожить на Востоке, чтобы понять, какой жест он сделал. Такое внимание падишаха дорогого стоит. В МИДе я работал обычным сотрудником, меня туда с большим трудом устроил мой отец, желая, чтобы и я по его стопам стал дипломатом. Но когда я женился, все мгновенно изменилось. Меня сразу перевели в другой отдел, дали мне новую должность, отдельный кабинет. И потом без очереди присвоили дипломатическое звание, послали на стажировку в Германию. Наш министр был умный человек и понимал, что ему ни к чему ссориться ни с моим отцом, ни с моим тестем, ни тем более с президентом.

Говорят, сам президент даже дважды очень благосклонно расспрашивал нашего министра обо мне. Во всяком случае, насчет одного раза я точно знаю, поскольку сам министр мне это говорил. Правда, надо сказать, среди дипломатов он не пользовался уважением, так как не проработал на дипломатической службе ни одного дня. Он был советником президента по международным делам, а оттуда плавно пере-

шел на пост министра, чтобы выполнять волю только одного человека — нашего «падишаха». Или вы полагаете, что в нашей стране может быть демократия? Это для американцев мы устраиваем фарс выборов, исход которых известен заранее. Пусть, мол, думают, что мы выбираем и президента, и парламент. И все делают вид, что так и должно быть. Американцы прекрасно знают, что на самом деле голосует не более десяти-пятнадцати процентов населения. Да и этим людям часто подсказывают, против каких фамилий ставить галочки, за кого голосовать. Самое интересное, что после развала большой страны прошло уже немало лет, но ни один из лидеров в Средней Азии пока не ушел со своего поста. Ни один за столько лет! И это пример демократии? Ну в таком случае я не дипломат, а балерина.

Хотя нет. В Таджикистане в начале девяностых была война, и только после нее там укрепился нынешний лидер. Укрепился и остался. Вот так все пятеро и сидят. И будут долго сидеть. В Прибалтике проходят демократические выборы, и там избирают новых президентов. В бывшей европейской части страны выборы часто бывают маргинальными, если вспомнить Украину и Белоруссию. Да и в России трюк «с

назначением преемника» сработал на все сто. Но у нас в Средней Азии лидеры несменяемые. И американцы делают вид, что это пример самой настоящей демократии. А знаете почему? Ответ очень простой. Мы им нужны. Им очень нужны наши опереточные парламенты с придурковатыми депутатами, искренне считающими, что они решают какие-то вопросы. Им очень нужны наши лидеры, уже давно обогнавшие всех бывших в тысячелетней истории наших народов ханов и падишахов по концентрации богатств и власти в одних руках. Если не будет наших режимов, может, не самых идеальных в мире, то на это место придут другие. И тогда точно не будет вообще ничего. Никакой демократии. Ни президентов, ни парламентов, ни нормальных законов. Править будут совсем другие — бородатые и фанатичные последователи того самого «Большого друга Америки», который устроил им бойню одиннадцатого сентября. Я ничуть не преувеличиваю. Если падут наши режимы, наступят другие. И тогда Америка, Россия, Китай и весь цивилизованный мир получают такие проблемы, после которых события в Афганистане или даже в Ираке покажутся детским лепетом.

Поэтому все выбирают самое лучшее, что

может быть на сегодня в наших республиках: несменяемых лидеров, доставшихся нам от бывшей советской номенклатуры, феодальные отношения, местных баев, которые получают на откуп целые районы и области. Сидя в креслах первых секретарей, они за одну ночь «перестроились» и стали, во-первых, демократами вместо коммунистов, во-вторых, президентами и губернаторами вместо первых секретарей, а в-третьих, руководителями независимых государств вместо бывших республик. Причем сразу все, одновременно, тут же после августа девяносто первого. Умри, Гудини, такой фокус тебе и не снился! А Горбачев не понимал, что настоящая «перестройка» — это не демагогия про социализм, а умение воспользоваться ситуацией, обеспечить свою семью на тысячу лет вперед, приватизировать собственную страну и сделать свой клан самым сильным в государстве. Вот что такое «перестройка» на Востоке.

В общем, я отвлекся. Мне абсолютно все равно, что они там делали или делают. Когда распался Советский Союз, мне было только семнадцать лет. Вместе с другими студентами я ходил к Белому дому и выкрикивал лозунги в поддержку демократии. Там была симпатичная девочка из Ленинграда, Питер тогда еще так

назывался, и мне было приятно стоять рядом с ней. Я даже видел на танке живого Ельцина. Было смешно и интересно. Потом в девяносто третьем, когда танки стреляли по Белому дому, было уже не так смешно. Это мы тоже видели. Девочки уже не было, и я почти не ходил смотреть. Все и так показывали в прямых трансляциях по Си-эн-эн. А в девяносто пятом я уже закончил учебу.

У моего отца было двое детей. Сын и дочь. И, по нашим обычаям, он сам решал, когда нам нужно жениться и выходить замуж. Мне было двадцать пять, когда моя мать отправилась договариваться с женой вице-премьера. Потом и нас познакомили. Младшей дочери вице-премьера было только двадцать, и она училась на филолога. Рахима мне сразу понравилась. Симпатичная, стройная, красиво одевается, знает английский. А главное — из хорошей семьи. Конечно, мне было очень приятно, что ее отец занимает такой высокий пост в Кабинете министров. И мы с этой девочкой быстро нашли общий язык. Не думайте, что нам разрешали встречаться и проводить время так, как это делают на Западе: сначала трахнемся, а потом посмотрим, подходим ли друг другу. Нет, такого у нас просто не могло быть. Сначала пожени-

тесь, а потом делайте все, что вам заблагорассудится. Конечно, в строгих рамках семейной этики, без глупых вольностей и различных выкрутасов. Для этого существуют совсем другие женщины.

Мы встречались под строгим надзором родственниц, и через некоторое время я сделал Рахиме предложение, которое она приняла. Правда, если рассказывать точнее, то предложение делали мои родители ее родителям. Подготовка к свадьбе заняла несколько месяцев, и наконец мы поженились. Разумеется, в первую брачную ночь я точно установил, что моя супруга — девственница. Иначе и не могло быть. Рахима сильно нервничала и волновалась, сказывался ее возраст. Мне даже пришлось немного рассердиться. И признаюсь, мне было непросто иметь дело с необученной девственницей после моих московских знакомых. Можете себе представить, какой у меня был опыт к этому времени? Я даже успел подцепить какую-то гадость, от которой потом тайком от родителей лечился целых шесть месяцев.

Вот так мы стали законными супругами. Конечно, я никогда не позволял себе никаких вольностей и обращался с ней только так, как и нужно вести себя с женой. Для иных радостей

ведь всегда можно найти других женщин. Через год Рахима родила мальчика, похожего на меня, и это переполнило меня гордостью. Но особенно радовался ее отец. Дело в том, что Рахима его третья, самая младшая и самая любимая дочь. А первые две уже успели выйти замуж, и каждая родила ему по внучке. Можете себе представить такого человека, как мой тесть? Он похож на огромного медведя, даже ходит как-то косолапо. А тут столько женщин вокруг. Жена, три дочери, две внучки... И вот наконец появился первый внук. Тесть тогда чуть с ума не сошел от счастья и подарил мне «Мерседес», который теперь стоит у меня в гараже, в нашем доме на родине. Кстати, после рождения нашего сына его старшая дочь родила ему второго внука. Но с тех пор он не уставал повторять, что именно я «переломил женскую линию» в их семье. Мне даже казалось, что он любил меня за это больше, чем двоих других зятьев. Не знаю, может, потому, что сильнее остальных дочерей любил Рахиму?

Моя младшая сестра Гулсум вышла замуж за три года до моей женитьбы. Она младше меня на два года, и ей было двадцать, когда родители решили выдать ее замуж. Но здесь произошло несчастье — так называли это в нашей

семье. Муж Гулсум был ее однокурсником, они оба учились в медицинском институте в Москве. Мы тогда еще не знали, почему его послали в Москву, ведь он мог получить образование и на родине. Им обоим было по двадцать лет. Его отец был министром здравоохранения нашей республики. Вы даже не представляете, какие подарки они нам несли, сколько баранов зарезали, какую квартиру купили своему сыну в Москве! А потом оказалась, что этот негодяй Анвар самый настоящий наркоман. Хорошо, что у моей сестры был выкидыш и она не родила ребенка от этого мерзавца. Через два года они развелись. Бедная моя сестренка! Но кто мог подумать, что сын такого уважаемого человека и представитель такой хорошей семьи окажется наркоманом? Моя мать была безутешна. Ведь по нашим обычаям разведенная женщина — это почти падшая женщина, независимо от причин ее развода. Если бы не выкидыш, может, мы уговорили бы Гулсум потерпеть, но после этого случая она даже не могла находиться с Анваром в одной комнате. И состоялся развод.

Сестра устроилась работать в крупную западную фармацевтическую компанию, получила российское гражданство. Она никуда не хо-

тела уезжать из Москвы, в отличие от нас всех, ставших для нее иностранцами. И через несколько лет встретила своего второго мужа. Он тоже был разведен, от первого брака у него был десятилетний сын. Тудор Григориу старше Гулсум на десять лет. По отцу он молдаванин, а по матери — русский. Высокий, симпатичный, голубоглазый. Нам с Рахимой новый ухажер Гулсум сразу понравился. Он хорошо одевался, говорил по-французски, умел произвести впечатление, был очень коммуникабельным и к этому времени уже несколько лет проработал на Западе. Конечно, ему нравилась моя младшая сестра, но еще больше ему нравилось положение нашей семьи. Отец не возражал против этого брака, он понимал, что Гулсум нужен муж. Если бы это был ее первый брак, разумеется, Тудор получил бы решительный отказ. Кто может отдать свою девочку за иноверца, пусть даже достаточно обеспеченного и симпатичного? Но когда женщина разведена, она как бы считается «товаром попорченным» и ей можно разрешить замужество даже с таким человеком, как Тудор. Не думайте, что я циник. Просто я решил рассказать все, как это было на самом деле. А мою сестренку я очень люблю. Одним словом, состоялась свадьба. К этому времени моей сестре

было уже двадцать восемь — опасный возраст для незамужней женщины.

Вот такая у нас семья. Но вернемся к тому моменту, когда мой отец — Джапар Султанов — пригласил меня с женой и мою сестру с мужем провести в Лондоне рождественские каникулы. Заодно он пригласил и своего самого близкого друга — Салима Мухтарова, очень известного бизнесмена, портреты которого часто появляются в газетах нескольких стран. Супруга Салима — бывшая фотомодель Елена Сушко. Это была его третья жена. Салиму сорок пять лет. У него была мешковатая фигура базарного торговца с колхозного рынка, хотя он старался выглядеть более молодо, посещал косметические салоны, как-то даже приезжал к нам в Швейцарию, чтобы покататься на лыжах.

Можете себе представить эту картину? Мешок с картошкой на лыжах? Он падал даже в окружении трех инструкторов. Очевидно, есть люди, абсолютно не приспособленные к этому виду спорта. К тому же Салим вырос на Востоке и лыжи видел только в кино. Потом он бросил это бесполезное занятие.

Признаюсь, его супруга, лет на пятнадцать или даже двадцать его моложе, производила на меня очень приятное впечатление. И насколько

я могу судить, не только на меня. Есть такие женщины, у которых секс написан на лице. А это была очень красивая самка, одно появление которой было способно наэлектризовать любую мужскую компанию. Этакое удачное сочетание фигуры певицы из группы «Виа Гра» с жеманностью Линды Эвангелисты. Нужно было видеть, как она одевалась и как умела себя подать! Конечно, Салим Мухтаров купил себе эту дорогую игрушку, но он мог себе такое позволить. Говорят, на его счетах много сотен миллионов долларов. Хотя я думаю, что его «цена» сильно завышена. Такие «бизнесмены» любят пускать пыль в глаза, чтобы понравиться чиновникам. Делают им дорогие подарки, приглашают в престижные рестораны. Конечно, он очень богатый человек, но, полагаю, тогда он стоил миллионов сто, не больше. Только не говорите мне, что это тоже огромные деньги. Я сам это прекрасно знаю.

Елена — украинка по отцу и татарка по матери. Высокая, зеленоглазая, с невероятной фигурой. Можете себе представить, какая гремучая смесь красоты и вызова? Представили? Тогда пойдем дальше. В общем, в Англии должны были собраться четыре пары. Моего сына я отправил к бабушке и дедушке на родину. Мой

тесть попросил, чтобы внук был с ними, и я подумал, что так будет лучше для всех.

Отец позвонил мне двадцать второго декабря и сказал одну фразу, которую я потом долго вспоминал.

— Приезжай вместе с Рахимой. Я пригласил Гулсум с мужем и Салима с его женой. Никого больше не будет. Будут только свои.

Глава 2

Мы вылетели с женой в Лондон, купив два билета бизнес-класса. Рейс семьсот тринадцать вылетел из Цюриха в час двадцать по местному времени. Из Швейцарии до Лондона лететь около полутора часов, даже меньше. Обожаю эти европейские расстояния. Всю Европу можно облететь за несколько часов. При этом я всегда вспоминаю, как мы летаем с нашей родины через Москву в Европу. По шесть-семь часов! До чего же удобно быть европейцем и жить где-нибудь в Париже. За один час вы можете долететь до Лондона, Брюсселя, Цюриха, Франкфурта, Амстердама. За два часа — до Мадрида, Рима, Венеции, Мюнхена, Берлина... В общем, все рядом. А летать на самолетах я очень люб-

лю, особенно в бизнес-классах. Великолепное обслуживание, интересные люди вокруг, приветливые стюардессы, очень приличная еда. Хотя бизнес-класс мне не оплачивался, по моему статусу мне полагалось летать только экономическим классом, но благодаря помощи отца я мог нормально существовать и не зависеть от моей нищенской зарплаты дипломата.

Моему отцу в тот момент было пятьдесят пять лет. Он увлекался теннисом и плаванием, старался поддерживать себя в хорошей форме. Мне многие говорят, что я на него похож. Хотя у меня подбородок не такой волевой, как у него, и глаза мамыны. И, конечно, я меньше ростом. Мы с Рахимой почти одного роста. И моя сестра тоже моего роста, что для женщины, наверное, неплохо. Но отец был ростом почти в метр восемьдесят, а мама — лишь в метр шестьдесят пять. Должно быть, мы с сестрой пошли в маму, так как у нас обоих рост чуть больше метра семидесяти.

Хочу сказать несколько слов о моей матери — Машпуре. Ей тогда было только пятьдесят два года. Из этого ясно, что она вышла замуж совсем молодой и родила меня, когда ей исполнилось двадцать лет. Отцу в это время было двадцать три. Мать из семьи потомствен-

ных биологов, у нее в семье все были ученые — ее дед, отец, дядя. И сама она тоже окончила биологический факультет, хотя никогда не работала по специальности. Еще в институте она вышла замуж за моего отца и вскоре уехала с ним. Где только они не работали! Ей пришлось ездить за мужем по всему свету.

Мы должны были прибыть в Лондон примерно в два часа по их времени. Упрямые англичане и в этом отличаются от всей Европы, у них — свое время. Наверное, это правильно, ведь их остров западнее, чем вся Европа. Под влиянием англичан португальцы тоже взяли себе их время. Хотя, по-моему, они это сделали нарочно, в пику испанцам. И получилось, что на одном полуострове два разных временных пояса — в Испании и в Португалии. При этом испанская Галисия находится даже западнее основной части Португалии. Но каждая нация пытается самоутвердиться за счет своих соседей. В Лондоне, например, самые известные места — это Трафальгарская площадь с памятником адмиралу Нельсону, памятник Веллингтону на Парк-Лайн, площадь Ватерлоо и так далее. Если бы не было Наполеона, то англичанам нужно было бы его придумать — так много в их истории связано с этим человеком. А при-

езжаешь в Париж — и сразу видишь Аустерлицкий вокзал, площадь Ваграма, Триумфальную арку, бульвар Севастополя... В общем, все как у других. Хотя встречаются и иные примеры, так сказать, обратного действия. В том же Париже существует площадь Сталинграда, тогда как такого города давно уже нет в самой России. Вот какие иногда случаются исторические парадоксы.

Рахима сидела, закрыв глаза и недовольно отвернувшись от меня. В аэропорту мы, как всегда, поругались, и теперь она так демонстрировала мне свое настроение. Каждый раз, когда мы куда-нибудь летим, Рахима умудряется что-нибудь купить в магазинах беспощинной торговли. Мне не жалко, пусть покупает что хочет. Но не тогда, когда до отлета остаются считанные минуты. Из-за нее мы каждый раз вбегаем в салон самолета чуть ли не последними. Хорошо, что у нас бизнес-класс и стюардессы не ругаются, но нельзя же это превращать в привычку. Рахима — человек абсолютно безалаберный, она не чувствует времени. Поистине избалованный родителями младший в семье ребенок. Собственно, так оно и получилось. Сначала ее мать родила старшую и среднюю дочерей. Затем был перерыв в несколько лет, и наконец

они решились завести третьего ребенка. Наверняка мой тесть хотел иметь сына. Однако родилась Рахима. Так она и стала самой маленькой и самой любимой, самой обожаемой в семье. Рахима даже сейчас разговаривает как маленькая девочка, что меня порой бесит. Объективно я понимаю, что она красивая, симпатичная молодая женщина. У нее стройная фигура, она не поправилась после родов, маленький носик, карие глаза, роскошные волосы. Но ее необязательность и разболтанность постоянно действуют мне на нервы.

Каждый раз, когда мы куда-нибудь уезжаем, Рахима умудряется забыть дома какую-нибудь нужную вещь, и нам приходится покупать новую зубную щетку или новый фен уже в другом городе. Она не умеет следить за квартирой, у нас дома все вещи куда-то исчезают, а затем появляются не по нашему желанию. И на родине, и в Швейцарии у нас есть домработницы, но они не могут делать все за хозяйку. Определить каждому предмету свое место — это дело самой Рахимы. Одним словом, после аккуратной и пунктуальной матери я столкнулся с девчонкой, которую так и не мог приучить к элементарному порядку.

Я недовольно покосился на нее. В послед-

нее время я часто ловил себя на мысли, что несколько поспешил с женитьбой. Конечно, ее отец мне очень помог, отправив нас в Швейцарию, конечно, материальных проблем у нас нет, и все-таки можно было найти жену немного покладистее и более домовитую. А эту интересуют только вечеринки, ночные клубы, разные дискотеки. Рахима не хотела понимать, что здесь она — жена дипломата. И мы все на виду. За шесть лет нашей совместной жизни я ни разу не видел ее с книгой в руках. В лучшем случае она читала какие-то журналы вроде «Космополитэна» или «Форбса». Она неплохо выучила английский и затем взялась за французский. Но, похоже, это единственные плюсы в ее жизни. И еще, разумеется, рождение нашего сына. Однако к этому и я приложил усилие.

Нужно было видеть, как тяжело Рахима переносила беременность! Об этом лучше не вспоминать. Любой запах вызывал у нее приступы рвоты, последние месяцы она лежала в кровати, не вставая. Почти ничего не ела, кроме фруктов. Хорошо, что мальчик родился здоровым. У Рахимы резус отрицательный, и она твердо решила больше не рожать. Где-то прочла, что с таким резусом последующие дети могут оказаться неполноценными. Все мои разго-

воры о том, что это глупости и в двадцать первом веке нельзя так себя вести, ни к чему не привели. В конце концов я махнул рукой. Ахмаду только пять лет, а Рахиме только двадцать пять. Она еще успеет родить братика или сестричку нашему сыну. Но терпеть еще девять месяцев ее новую беременность, да еще сидя с ней в Швейцарии, я не смог бы.

За время нашей командировки в этой альпийской стране к нам несколько раз приезжали наши родственники. Сестры Рахимы с мужьями, моя сестра с мужем, наши родители. Скучать не приходилось, Швейцария нравится всем. И нужно отдать должное Рахиме, она радушно встречала наших гостей. С сестрами ходила по магазинам, и я с удовольствием наблюдал за лицами их мужей, когда жены приносили им подписанные чеки. Суммы были внушительными. Единственный человек, которого невозможно было «развести» на крупную сумму, был наш зять — Тудор Григориу. Очень состоятельный человек, миллионер, он не позволял себе тратить лишние деньги. Я всегда ставил его в пример Рахиме. Тудор одевался лучше всех, по последнему слову моды, у него были лучшие автомобили, и жил он в самых дорогих отелях. Все это работало на его имидж, помогало ему в

переговорах. А просто так потратить деньги он не мог. Купить ненужную вещь или заплатить за горнолыжный курорт ему казалось верхом глупости. Конечно, если на курорте в это время не находился какой-нибудь министр или чиновник, от которого зависела судьба контракта. Тудор вел себя как настоящий европейский прагматик.

Рахиме не нравилось, когда я указывал ей на имевшиеся пробелы в ее воспитании и образовании, но насчет моего зятя она соглашалась со мной на все сто процентов. Тудор нравился женщинам. Еще бы! Природное обаяние плюс наглая внешность, подкрепленная кучей денег. Глядя на него, любой сразу понимал, что имеет дело с человеком, стоящим несколько миллионов долларов. Моя сестра ни в чем не нуждалась, а для нас всех это было главным.

Моя мать видела все недостатки Рахимы, но как умная женщина не делала ей замечаний, полагая, что со временем невестка образумится. Однако Рахима оставалась взбалмошной, неуправляемой, капризной девочкой, словно по-прежнему жила под крылом любящего папы, а не была супругой перспективного дипломата. Это я про себя.

В общем, у нас была нормальная семья, ка-